

Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ

историко-правовые очерки

Охрана власти по УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.

Особо опасные преступления против порядка управления

Контрреволюционные преступления

Преступления против органов власти

Особо опасные государственные преступления

ПРОСПЕКТ

**Юлия Викторовна Грачева
Александр Иванович Чучаев
Тамерлан Кимович Агузаров**

**Государственные
преступления в уголовном
праве России в XX веке.
Историко-правовые очерки**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21382837

ООО «Проспект»; 2015

ISBN 9785392189250

Аннотация

В работе дается анализ некодифицированного уголовного законодательства начала XX в., регулирующего ответственность за государственные преступления, рассматриваются вопросы уголовной ответственности за указанные деяния по Уголовным кодексам РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических высших учебных заведений, а также для всех, кто интересуется историей уголовного права.

Содержание

Введение	5
Глава I	8
§ 1. Уголовно-правовая охрана власти по законодательству Временного правительства	8
§ 2. Уголовно-правовая охрана власти по неcodифицированному советскому законодательству	25
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Т. К. Агузаров, Ю. В.
Грачева, А. И. Чучаев**
**Государственные
преступления в уголовном
праве России в XX веке**
Историко-правовые очерки

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

Эта работа, по сути, является продолжением исторических очерков, посвященных вопросам уголовно-правовой охраны власти в XI – начале XX в.¹ В них было высказано предположение, что нормы о преступлениях, посягающих на власть, появились вместе с выделением самой власти в самостоятельное социально-правовое явление. Именно эта генетическая связь позволила выделить основные черты, отраженные в памятниках права различных исторических эпох, выявить тенденции криминализации и пенализации деяний, признаваемых опасными для правящего класса, дать характеристику их сущности, показать юридико-технические особенности отражения посягательства на власть в законе, раскрыть проблемы систематизации деяний в рамках единого нормативного акта.

Ретроспективный анализ законодательства, обеспечивающего безопасность власти, представляет собой диахронное сравнительно-правовое исследование, охватывает два исторических массива: генезис и эволюцию институтов власти в России; генезис и эволюцию уголовно-правового обеспечения ее функционирования. При этом исследуемый исторический период является особенным: страна пережила две

¹ См.: Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX вв.). М., 2011.

революции, Гражданскую и Великую Отечественную войны, что не могло не отразиться на уголовном законодательстве РСФСР. Игнорирование этого обстоятельства может привести к выводам, которые не отражают либо социально-правовые основания уголовно-правовых мер, либо их характеристики.

Поступательное развитие российского уголовного законодательства прервалось в 1917 г. Вначале Временное правительство проповедовало преемственность в праве; более того, в ряде актов правовая преемственность оговаривалась специально, хотя на деле, особенно после июльских событий 1917 г., был принят ряд актов, направленных на репрессию в отношении лиц, посягающих на власть Временного правительства. Одним словом, уголовное законодательство этого периода по своей сути ничем не отличалось от законодательства других стран, переживших революцию.

Революционное законодотворчество первых лет советской власти полностью исходило из ленинской концепции классовой борьбы. Поэтому уголовно-правовые меры трансформировались в соответствии с формами указанной борьбы и задачами пролетариата.

В уголовных кодексах РСФСР государственные преступления отражались по-разному. Так, в УК РСФСР 1922 г. законодатель лишь обозначил круг преступлений, посягающих на власть, в сфере государственного управления и правосудия. УК РСФСР 1926 г. интегрировал нормы о рас-

смаатриваемых деяниях исходя из соответствующей сферы государственного управления, а преступления против правосудия вообще были включены в три главы Кодекса. В УК РСФСР 1960 г. был полностью включен Закон об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. Этот Закон, во-первых, дал исчерпывающий перечень государственных преступлений; во-вторых, исключил нормы, содержавшие объективное вменение; в-третьих, осуществил классификацию государственных преступлений; в-четвертых, ввел нормы, ранее не известные советскому уголовному законодательству.

Исследование указанного правового материала, на наш взгляд, позволяет выявить тренд развития уголовно-правовых норм об ответственности за государственные преступления, становление и развитие учения об этих деяниях и исходя из этого выработать научную основу совершенствования уголовно-правового регулирования социальных явлений, в том числе ответственности за преступления, посягающие на государственную власть.

Глава I

Охрана власти по некодифицированному революционному уголовному законодательству России начала XX в

§ 1. Уголовно-правовая охрана власти по законодательству Временного правительства

В современной литературе законодательству, принятому после свержения царизма и установления власти буржуазии (февраль 1917 г.), практически не уделяется внимания². Образующийся в связи с этим исторический и правовой вакуум, во-первых, исключает возможность сравнения буржуазной и

² См., например: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006, содержащем достаточно обстоятельный материал об истории развития уголовного законодательства, после анализа Уголовного уложения 1903 г. сразу дается описание уголовного законодательства советского периода.

советской уголовной политики, и принятого в соответствии с ее идеологией законодательства об охране власти. Во-вторых, это ведет к искажению истории развития российского уголовного права вообще и нормативных правовых актов об ответственности за посягательство на власть и ее представителей в частности. При таком подходе «выпадает» пусть и короткий, но своеобразный исторический период, характеризующийся, с одной стороны, сохранением предыдущего законодательства, с другой – принятием законов буржуазной революционной властью. Временное правительство основывалось на преемственности права. Как впоследствии писали советские юристы, «сохранение и соблюдение незыблемости старых законов вплоть до осуществления отдаленнейшей перспективы – принятия новых законов Учредительным собранием – такова была политическая и “теоретическая” платформа Временного правительства в области законов Российской империи. На этой “платформе” в полном согласии сходились кадеты, эсеры, меньшевики, входившие в различные периоды во Временное правительство. Ни о какой ломке старого права, уничтожении старых законов и замене их новыми не было и речи»³.

В ряде актов Временным правительством правовая преемственность оговаривалась специально. В области уголовного законодательства предполагалось отменить лишь те

³ Герцезон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М., 1947. С. 15.

нормы, которые, являясь наслоениями на судебные уставы 1864 г., извратили их сущность. По сути, провозглашался возврат к указанным актам. 23 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об образовании Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении Временного высшего дисциплинарного суда»⁴.

Исходя из этого, в журналах «Право», «Юридический вестник» и других правовых изданиях обосновывалась целесообразность старого законодательства. Так, Б. Кистяковский писал: «Непрерывность правового порядка, которая до

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 77. Ст. 438. Это постановление воспринимается политической программой Временного правительства в области законодательства, в том числе его теоретической платформой. В частности, в нем говорится: «Падение старого государственного строя, явившегося пережитком прошлых времен, могло произойти с такой легкостью, среди такого всеобщего ликования и при таких единодушных выражениях народного гнева и ненависти к прошлой власти и ее агентам лишь благодаря тому, что прежний порядок пришел в полную ветхость и негодность... Судебные уставы 1864 года, являвшиеся в своем первоначальном виде прекрасным образцом весьма совершенного для своего времени судебного устройства, были значительно испорчены позднейшими узаконениями, подорвавшими начало правильного судоустройства – гласности, независимости судей и участия в суде общественно-го элемента. Судебная же практика в деле уклонения от этих начал пошла еще далее: независимость судей стала пустым звуком, гласность исчезла из суда по первому желанию администрации, наиболее важные дела – о государственных и должностных преступлениях, о проступках печати – были изъяты из ведения суда присяжных заседателей. Исключительный военный суд стал обычным явлением...».

сих пор соблюдалась, должна охраняться и в будущем»⁵. А.Ф. Кони, наоборот, отмечал неполноту уголовного законодательства, его существенное отставание от жизни, однако при этом также предлагал умеренный вариант его обновления, в частности, считал необходимым совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за спекуляцию, незаконную продажу спиртных напитков, половые преступления против несовершеннолетних⁶.

Помимо комиссии по пересмотру судебных уставов в это время работала комиссия по пересмотру и введению в действие Уголовного уложения 1903 г.⁷ Комиссия рекомендовала отменить ст. 103–107 Уложения, предусматривавшие ответственность за различные виды оскорбления царя и членов его семьи. Статьи о государственной измене предлагалось оставить в прежней редакции, так как «теперь, во время войны, неудобно изменять законы о государственной измене, ибо это внесло бы расстройство в работу военных судов

⁵ *Кистяковский Б.* Непрерывность правового порядка // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII. С. 10.

⁶ *Кони А.Ф.* Ближайшие задачи уголовного законодательства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. С. 53.

⁷ В ее состав входило четыре подкомиссии: 1) по пересмотру общей части уголовного уложения; 2) по рассмотрению вопросов о религиозных преступлениях; 3) по рассмотрению вопросов о государственных преступлениях; 4) по рассмотрению вопросов о преступлениях печати. Следует заметить, что эта комиссия была образована еще 19 января 1917 г. Николаем II, возглавил ее сенатор, профессор Трегубов. Он продолжал руководить комиссией и после февральской революции.

в действующей армии»⁸.

Комиссия разработала законопроект, предусматривавший ответственность виновного «в публичном призыве или в призыве, распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображениях:

- 1) к учинению тяжкого преступления;
- 2) к учинению насильственных действий одной части населения против другой;

3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению или законному распоряжению власти». Наказание дифференцировалось в зависимости от обстоятельств времени совершения преступления: в мирное время деяние каралось заключением в исправительном доме сроком не свыше трех лет, в военное время – срочной каторгой⁹.

3 марта 1917 г. приказом А.Ф. Керенского вначале в Петрограде, а затем и в других местностях были образованы временные суды, целью деятельности которых было «быстро устранить печальные недоразумения, возникающие меж-

⁸ Право. 1917. № 12. С. 716.

⁹ Там же. С. 1102. Необходимо отметить, что закон подвергся критике оппонентами буржуазных революционеров. Так, И.В. Сталин писал: «... Ярче всех отразил новый курс внутренней политики Временного правительства министр Перевезев («тоже» социалист!). Он требует ни более, ни менее как «срочного введения закона о преступлениях против государственного спокойствия». Каторжное законодательство этого, с позволения сказать, «социалистического» министра. Очевидно, что Временное правительство неуклонно катится в объятия контрреволюции» (*Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 85–86).

ду солдатами, населением и рабочими». Согласно § 2 Инструкции для временных судов от 22 марта 1917 г. к их подсудности, помимо иных преступлений, относились «посягательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27-го февраля с.г. частными лицами, в том числе и военными чинами вне службы». Если в первые дни отношение прессы к временным судам было сочувственным, то в последующем оно резко изменилось¹⁰. Эти суды просуществовали недолго, вскоре были упразднены.

Временное правительство отменило некоторые уголовные законы, сущность которых не соответствовала новым политическим реалиям и организации государственной власти, 6 марта 1917 г. издало указ об амнистии. Как говорилось в самом указе, общая политическая амнистия была объявлена «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окон-

¹⁰ См. об этом подробно: *Исаев М.М.* Уголовное право РСФСР. М., 1925. С. 56. Так, Равич писал: «Суд, не связанный с законом, – не суд. И в лучшем случае его можно назвать расправой» (*Равич М. С.* Временные суды // *Право.* 1917. № 17. С. 972). Председатель съезда мировых судей В. Меншуткин указывал: «... Невозможно, даже только при близко подходящих к нормальным условиям жизни, предоставлять суду самому определять, составляет ли действие обвиняемого преступное деяние, не руководствуясь уголовным кодексом, нельзя давать такой широты простора в выборе наказаний и лишать стороны права обжалования приговоров, но если ввести судопроизводство во временных судах в обычные рамки мирового разбирательства, то на основании пятидесятилетнего опыта можно заключить, что мировой судья, избранный всем населением, с успехом справится с порученным ему делом и единолично...» (*Меншуткин В.* Временные суды в Петрограде // *Журнал Министерства юстиции.* 1917. № 4. С. 190).

чательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе»¹¹.

Между тем в литературе указывается, что массовое освобождение заключенных осуществлялось и до издания указа об амнистии рабочими и солдатами; последний, по сути, пытался это движение ввести в определенное русло, придать ему законную форму¹².

Кроме общей политической амнистии была объявлена воинская амнистия (14 марта 1917 г.), а также принято постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» (17 марта 1917 г.)¹³. Под амнистию в том числе попадали лица, осужденные за преступления против власти: бунт против верховной власти; преступления против священной особы императора и членов императорского дома; участие в скопище, сообществе против государства и его органов; дерзостное неуважение к верховной власти; распространение среди войска учений, призывающих к нарушению воинской службы; самозванство – выдача себя за императора

¹¹ См. об этом подробно: *Люблинский П.И.* Мартовская амнистия // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 4.

¹² См.: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 28. По подсчетам П.И. Люблинского, по указу от 6 марта 1917 г. и другим последовавшим за ним актам было освобождено 4/5 всех содержавшихся в местах лишения заключенных (см.: *Люблинский П.И.* Амнистия // Право. 1917. № 17. С. 875).

¹³ См. об этом подробно: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 29.

или члена царского дома; противоправительственная агитация (если она не являлась изменническим действием) и др.¹⁴

В марте – июне 1917 г. Временное правительство предприняло ряд шагов по изменению норм, предусматривающих ответственность за деяния, посягающие на власть. В частности, постановлением от 17 марта 1917 г. дана новая формулировка ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривавшей ответственность за неисполнение распоряжений власти¹⁵; 13 мая 1917 г. – новая редакция ст. 42 Устава. Кроме того, была предусмотрена уголовная ответственность за «участие в публичном скопище»¹⁶.

Временным правительством были изданы и другие акты, изменявшие или отменявшие отдельные нормы особенной части уголовного законодательства. «В целом же уголовно-правовые акты... в ... период март – июнь 1917 г. характеризуются главным образом отменой некоторых царских законов, пришедших в явное противоречие с условиями “мирного периода февральской революции”. Каких-то крупных реформ в области уголовного права Временное правительство не провело и не собиралось предпринимать. “Непре-

¹⁴ Характеристику указанных преступлений см.: *Агузаров Т.К., Чучаев А.И.* Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX вв.): исторические очерки. М., 2011.

¹⁵ *Право.* 1917. № 18. С. 674.

¹⁶ См. об этом подробно: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 31.

рывность правопорядка”, о которой писали ... ученые во время февральской революции, нашла свое прямое воплощение в законодательной деятельности Временного правительства»¹⁷.

В последующем, особенно после июльских событий 1917 г.¹⁸, был принят ряд актов, направленных на репрессии в отношении лиц, посягающих на власть Временного правительства. 6 июля 1917 г. премьер-министр Г.Е. Львов подписал постановление, согласно которому всех «участвовавших в организации и руководстве вооруженным восстанием против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему «надлежало арестовать и «привлечь к судебной ответственности как

¹⁷ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 33.

¹⁸ Июльский политический кризис – третий (после апрельского и июньского кризисов 1917 г.) в России в период от февральской буржуазно-демократической революции до октябрьской социалистической революции. Поводом явились события конца июня – начала июля: неудачное наступление на фронте, расформирование революционных воинских частей. 2 (15) июля из Временного правительства вышли кадеты, угрожая меньшевикам и эсерам разорвать правительственную коалицию. Возник правительственный кризис. Политическое положение в стране обострилось. 4 июля состоялась демонстрация рабочих, солдат и матросов Балтийского флота под лозунгом «Вся власть Советам!», которых приветствовал В.И. Ленин. Военные власти направили против демонстрантов войска. Правительственный кризис был усугублен отставкой премьер-министра г. Е. Львова. Премьер-министром 8 (21) июля стал А.Ф. Керенский (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959; Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964 и др.).

виновных в измене родине и предательстве».

6 (19) июля Временное правительство издало приказ об аресте В.И. Ленина. 10 (23) июля 1917 г. премьер-министр А.Ф. Керенский дал указание товарищу (заместителю) Министра юстиции о необходимости «особой твердости в ведении следствия» по указанным делам¹⁹.

Объявив преступным всякое посягательство на власть, Временное правительство в последующих постановлениях принимает жесткие меры против печати и революционных агитаторов как действовавших против власти. В частности, в постановлении о печати от 12 июля 1917 г. говорилось: «Предоставить, в виде временной меры, Военному министру и Управляющему Министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и к гражданской войне, с одновременным привлечением ответственных редакторов к судебной ответственности в установленном порядке»²⁰.

Определенный интерес представляет так называемое дело Л.Г. Корнилова и его оценка юридической общественно-

¹⁹ См.: Право. 1917. № 27–28. С. 1099.

²⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 81. Ст. 1148. 14 июля 1917 г. вводится предварительная военная цензура в отношении публикации сведений о военных действиях, а 26 июля 1917 г. постановлением «О специальной военной цензуре печати» устанавливается наказание за нарушение соответствующих правил.

стью. Временное правительство объявило Верховного главнокомандующего изменником Родины (его действия специально созданная комиссия квалифицировала как восстание) и арестовало. 21 сентября 1917 г. указанное дело стало предметом обсуждения на совместном заседании Московского юридического общества и Всероссийского союза юристов. По его результатам была принята резолюция, согласно которой:

1) дело Корнилова не относится к подсудности военно-революционного суда, так как ст. 1 раздела II Постановления о военно-революционном суде к его компетенции относит лишь дела о преступлениях, не требующих предварительного расследования в силу очевидности совершенного деяния. Указанное дело не может быть признано таковым. В разных актах деяние квалифицируется по-разному: как мятеж и как восстание. Сам факт создания специальной комиссии указывает на необходимость расследования дела, что уже само по себе говорит о его неподсудности военно-революционному суду;

2) если деяние Корнилова квалифицировать по ст. 110 Воинского устава о наказаниях²¹, то тогда дело должно рас-

²¹ Статья 110 Воинского устава о наказаниях гласит: «Определенным в предшедших 106, 107, 108, 109 статьях наказаниям за оскорбление начальника офицеры и гражданские чиновники военного ведомства подвергаются и в следующих случаях: 1) когда оскорбление нанесено младшим старшему во время исполнения сим последним обязанностей службы, и 2) когда старший по высокому своему званию или чину имел право на особенное к нему со стороны младшего уваже-

смаатриваться в военном окружном суде с участием присяжных заседателей;

3) если же содеянное квалифицировать по ст. 99 и 100 Уголовного уложения²² и учесть, что в совершении инкриминируемого деяния участвовали гражданские лица («лица гражданского ведомства»), то тогда дело подсудно граждан-

ние. Постановление заключения о существовании в рассматриваемом деле таких особенных между младшим и старшим отношений во всяком случае предоставляется военному суду. Нижние чины подвергаются наказаниям, как за оскорбление начальника, во всех тех случаях, когда они окажутся виновными в оскорблении офицера какого бы то ни было ведомства или гражданского чиновника военного ведомства во время исполнения последним обязанностей службы, а также состоящего в одном с ними полку или управлении». В указанных выше статьях говорится: – в ст. 106 – о неоказании начальнику должного уважения, неприличном с ним обращении, о всяком пренебрежительном поступке по отношению к нему; – в ст. 107 – об оскорблении начальника на словах, «на письме или в печати, или же неприличным действием»; – в ст. 108 – о нанесении начальнику удара или поднятии на него с таким же намерением руки или оружия, а также о всяком роде насильственном или в высшей степени дерзком против него действии; – в ст. 109 – о вызове начальника на поединок (Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868). О характеристике предусмотренных ст. 106–110 Воинского устава о наказаниях подробно см.: Учебник законоведения для подготовки офицеров запаса и курсов военного времени / сост. полковник Добровольский. СПб., 1905.

²² Статья 99 Уголовного уложения предусматривает ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола, на низвержение царствующего императора с престола, лишение его верховной власти или на ограничение прав; ст. 100 – за насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленных основными законами образа правления, порядка наследия престола или отторжение от России какой-либо ее части.

скому суду с участием присяжных заседателей²³.

После июльского кризиса уголовное законодательство Временного правительства об ответственности за преступления против власти характеризуется двумя моментами. Во-первых, криминализируются новые виды деяний, признаваемых преступными; во-вторых, встречаются нормы, свидетельствующие о частичной либерализации уголовной политики. Сказанное можно проиллюстрировать, например, изданными 1 и 2 августа 1917 г. постановлениями Временного правительства соответственно «Об институте досрочного освобождения» и «О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»²⁴.

11 сентября 1917 г. принято Положение о выборах в Учредительное собрание, которое в гл. IX «Об ограждении свободы и правильности выборов» содержало 18 статей о преступлениях против власти, нарушающих, по мнению Временного правительства, законодательство о выборах²⁵. К ним, в частности, относились: самовольное снятия, уничтожение, закрытие или изменение публично выставленных воззваний, оповещений или избирательных списков; самовольное втор-

²³ См. об этом подробно: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 42.

²⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 94. Ст. 1326 и 1327.

²⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М., 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 136–184.

жение в помещение для предвыборной агитации; уничтожение или повреждение литературы для предвыборной агитации; угрозы и насилие в отношении лиц, действующих от организации избирателей; попытка воспрепятствовать предвыборным собраниям, работе избирательных комиссий путем насилия, угроз и тому подобных действий; воспрепятствование свободному осуществлению избирательного права путем угрозы, обмана, злоупотребления властью или использования экономической зависимости и др. За их совершение предусматривалось наказание в виде ареста, заключения в исправительном доме, тюремного заключения и даже каторги.

Широкое применение Временным правительством «исключительных мер» было признано им «не только нежелательным, но и опасным». В связи с этим оно предусмотрело следующие мероприятия:

1) запрещение производить задержание, ограничение в праве свободного избрания места жительства и пользования свободой слова в случаях, не предусмотренных законом (в советской литературе отмечается, что «это запрещение явилось прямым издевательством, так как после 3–5 июля систематически производились массовые незаконные аресты, закрытие революционных газет и тому подобные меры»²⁶);

2) отмена положения об охране государственного поряд-

²⁶ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 46.

ка и общественного спокойствия и о полицейском надзоре, а также правил о чрезвычайной охране на железных дорогах (в советской литературе указывается, что «...на практике все эти чрезвычайные меры по-прежнему осуществлялись в широком масштабах и 19 сентября Временное правительство предоставило министру внутренних дел право подчинять надзору милиции определенный круг административно высланных лиц»²⁷);

3) сузить действие правил о местностях, объявленных на военном положении;

4) переданные на рассмотрение военных судов дела на основании отмененных исключительных положений «вернуть к гражданской подсудности»;

5) для рассмотрения дел об арестованных во внесудебном порядке создать комиссии, которым предоставить право: а) продления лишения свободы на срок не свыше трех месяцев; б) производства обыска и выемки; в) освобождения задержанного.

Оценивая законодательную деятельность Временного правительства, В.А. Рогов пишет: «Правительство не торопилось... с изданием отраслевых кодексов, особенно уголовного. Для его разработки существовали, конечно, объективные трудности: военные условия, частые правительственные кризисы и смена партийного состава, отсутствие единой политической линии и т. д. Однако высокий уровень уголов-

²⁷ Там же. С. 46.

но-правовой мысли позволял быстро завершить разработку нового кодекса. Керенский имел влияние на высшие сферы юстиции до последних дней существования Временного правительства, а это могло обеспечить централизацию и успех разработки. Дело заключалось в том, что правительство не прилагало усилий к форсированию новой кодификации уголовного права»²⁸. Думается, что подобного рода оценка зиждется на упрощенном подходе к становлению и развитию законодательства вообще и уголовного в частности. По мнению автора, «факт “сохранения” старого уголовного права свидетельствует о том, что оно, в сущности, устраивало Временное правительство любого состава. Появилась возможность регулировать уголовно-правовую сферу циркулярами, распоряжениями и приказами...»²⁹.

В.А. Рогов не учитывает ряд моментов: во-первых, исторический опыт, в том числе и советской власти, показывает, что в первое время регулирование откликалось на сиюминутные требования постреволюционного времени и осуществлялось как раз путем принятия манифестов, декретов, воззваний, циркуляров, распоряжений, приказов, инструкций, наказов и т. д. Во-вторых, сохранение старого уго-

²⁸ Рогов В.А. Уголовное законодательство Временного правительства. М., 1986. С. 7. По этому вопросу также см.: Скрипильев Е.А. Уголовное законодательство Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Харьков, 1968. С. 48.

²⁹ Рогов В.А. Указ. соч. С. 7–8.

ловного права было принципиальной позицией как власти, так и уголовно-правовой доктрины, поскольку они исходили из преемственности права. Наконец, в-третьих, история не знает случая, чтобы пришедшая на смену свергнутой новая власть за несколько месяцев сумела бы подготовить и принять хоть какой-либо отраслевой кодекс, не говоря уж об уголовном. Опыт показывает, что вначале «нарабатываются» законодательный материал и судебная практика, затем они обобщаются, научно осмысливаются и, исходя из уголовно-правовой политики государства на конкретно определенном отрезке времени, воплощаются в соответствующем кодексе. Именно по такому пути развивалось и советское уголовное право.

Оценка уголовного законодательства Временного правительства, сделанная В.А. Роговым, на наш взгляд, во многом носит идеологизированный характер.

§ 2. Уголовно-правовая охрана власти по некодифицированному советскому законодательству

В отличие от Временного правительства советская власть стояла на диаметрально противоположной позиции: вместо преемственности законодательства она проповедовала полную отмену буржуазных законов и строительство нового, советского права вообще и уголовного права в частности³⁰.

³⁰ К началу 1918 г. руководство Наркомата юстиции завершило разработку Советского уголовного уложения, взяв за основу Уголовное уложение 1903 г. По поводу этого кодекса Д.И. Курский писал, что была предпринята попытка «сочетать противозастенным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией» (*Курский Д.И.* Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 57–58). Составленная левыми же эсерами Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов, как указывается в советской литературе, противоречила самому духу советского законодательства, указаниям партии и высказываниям В.И. Ленина о революционном правотворчестве, сущности и задачах советских декретов ноября 1917 – июня 1918 г. В предисловии к Инструкции говорилось, что она избавляет судей от необходимости уяснять в каждом отдельном случае, отменен или не отменен тот или иной закон революцией. В основу Инструкции было положено Уголовное уложение 1903 г., число его статей было сокращено до 378. В Инструкции были инкорпорированы и некоторые декреты советской власти. Затея оказалась нежизненной: данную Инструкцию суд не применял (см. подробно: *Исаев М.М.* Уголовное право РСФСР. М., 1925). П.И. Стучка в связи с указанными актами отмечал: «Старые законы были “сожжены”, и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложения русской революции” (проект левых эсеров, весна 1918 г.) вместо того, чтобы творить действительно новые ре-

«Советское уголовное право возникло на развалинах буржуазного права. Оно сразу выявило свое принципиальное, качественное отличие от буржуазного уголовного права. Ни о какой “рецепции” буржуазного права, ни о какой преемственности права, правовой идеологии не могло быть и речи. Уголовное право, созданное советской властью, возникло и развивалось как качественно отличное, новое уголовное право, советское социалистическое уголовное право»³¹. Сохранение на некоторое время прежнего законодательства обуславливалось утилитарными соображениями – необходимостью осуществлять правосудие. Но и в этом случае законы царского правительства применялись «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³².

Первые годы советской власти характеризуются усилением классовой борьбы, а отсюда и соответствующей уголовной политикой: подавление уголовно-правовыми средствами сопротивления свергнутых классов. Б.С. Ошеревич пишет: «Контрреволюционное сопротивление... на различных этапах революции принимает различные формы. Непосред-

волюционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» (Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 243). См. об этом подробно: Чуцаев А.И. Советское уголовное уложение (общая характеристика) // Lex Russica. 2012. № 5.

³¹ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 54.

³² Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. (ст. 5) // СУ РСФСР. 1917. № 4.

ственно после... революции русская буржуазия пыталась вооруженной рукой расправиться с революцией. ...Потерпев в этом неудачу, буржуазия широко организовала саботаж вершук чиновничества и служащих с целью дезорганизации государственного аппарата новой власти...

...Организуются контрреволюционные заговоры и проводятся террористические акты против активных работников и руководителей Коммунистической партии.

...Со второй половины 1919 г. до второй половины 1920 г. основой контрреволюционной деятельности является гражданская война, имевшая своей целью свержение советской власти и восстановление господства помещиков и капиталистов»³³.

Эти и другие подобного рода утверждения базировались на теоретической концепции В.И. Ленина о классовой борьбе в эпоху пролетарской диктатуры, выделявшего пять форм указанной борьбы и соответственно пять задач пролетариата³⁴:

1) подавление сопротивления эксплуататоров. Последние отчаянно борются за то, чтобы вернуть свое господство. Это порождает новые формы сопротивления – заговоры, саботаж, воздействие на мелкую буржуазию и т. д.;

2) гражданская война, к тому же она неизбежно перерас-

³³ Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления. М., 1938. С. 6–7.

³⁴ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 178.

тает в борьбу против интервенции иностранных государств;

3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства. Под «нейтрализацией» понималось прекращение колебаний мелкой буржуазии вообще, а крестьянства в особенности в сторону буржуазии. Государственное руководство мелкой буржуазией, особенно крестьянством, обеспечивается диктатурой пролетариата;

4) «использование» буржуазии, т. е. выработка и проведение определенной политики в отношении буржуазных специалистов, обусловленные отсутствием кадров, обладающих необходимым опытом и знаниями для управления и руководства хозяйством;

5) воспитание новой дисциплины; оно отражало борьбу с силами старого мира.

Таким образом, государственная власть в период диктатуры пролетариата рассматривалась в качестве орудия последнего в классовой борьбе, которую В.И. Ленин характеризовал как упорную, кровавую и бескровную, насильственную и мирную, военную и хозяйственную, педагогическую и административную.

Уголовное законодательство также базировалось на указанных теоретических установках. В этом нетрудно убедиться, обратившись к конкретным нормативным правовым актам первых лет советской власти.

Законодательство того времени достаточно часто оперирует понятием контрреволюционного преступления (его

определение впервые было сформулировано в УК РСФСР 1922 г.) уже начиная с первых актов: Обращение председателя СНК от 5 ноября 1917 г. к населению «О победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах»³⁵; обращение СНК от 26 ноября «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой»³⁶; обращение СНК от 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией»³⁷; обращение Наркома по продовольствию от 5 декабря 1917 г. «О саботаже чиновников министерства продовольствия»³⁸ и др.

Ряд декретов 1917–1918 гг. предусматривают ответственность за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Так, по постановлению НКЮ от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» к ведению указанного трибунала относились «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати», т. е. сообщения ложных или извращенных сведений об общественной жизни, «поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа»³⁹.

³⁵ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 11–12.

³⁶ СУ РСФСР. 1917. № 4.

³⁷ Там же.

³⁸ СУ РСФСР. 1917. № 5.

³⁹ СУ РСФСР. 1917. № 10.

Особый способ контрреволюционной агитации был криминализирован в постановлении СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне»⁴⁰. Согласно этому постановлению преступным признавался созыв населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и тому подобными способами, совершенный с контрреволюционными целями. «Соучастники, пособники, подстрекатели (как-то: призывающие устно, письменно или печатно к пользованию означенным ... способом возбуждения тревоги и т. п.) и вообще прикосновенные лица отвечают перед Революционным трибуналом наравне с главными виновниками». Покушение на совершение данного преступления наказывалось как оконченное преступление.

Согласно инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний»⁴¹ к подсудности данного трибунала относились дела о лицах, которые:

1) организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского правительства, активно противодействуют последнему, не подчиняются ему, призывают других лиц к противодействию или неподчинению;

2) пользуются своим положением по государственной или общественной службе, чтобы «нарушить или затруднить

⁴⁰ СУ РСФСР. 1918. № 57.

⁴¹ СУ РСФСР. 1917. № 12.

правильный ход работ в учреждении или предприятии, в котором они состоят или состояли на службе (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т. п.)»;

3) прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости;

4) путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке или повышение цен на них;

5) нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные распоряжения органов Рабоче-Крестьянского правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду революционного трибунала;

6) пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной революционным народом.

Декларация трудового и эксплуатируемого народа от 3 января 1918 г.⁴² провозгласила, что вся власть в Российской Федерации принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому кажется логичным объявление преступным всякой попытки «со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти». Подобные действия признавались контрреволюционными, любую такого рода попытку предполагалось подавлять «всеми имеющимися в рас-

⁴² Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 321.

поряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»⁴³.

По сути, впервые подробное описание ряда контрреволюционных преступлений дается в постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов»⁴⁴. Как можно понять из этого постановления, в нем были обобщены прежние акты и на их основе выработаны дефиниции соответствующих деяний, в частности, таких посягательств против власти как контрреволюционная деятельность, саботаж, дискредитирование власти, шпионаж и хулиганство⁴⁵.

Так, контрреволюционная деятельность охватывала следующие действия:

- 1) организацию контрреволюционного выступления против Рабоче-Крестьянского правительства, непосредственное участие в них или при их подготовке;
- 2) участие во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставивших своей целью свержение советского правительства, несмотря на то, что в результате деятельности не было контрреволюционного выступления;
- 3) непосредственное участие в выступлениях независимо

⁴³ Постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // СУ РСФСР. 1918. № 14.

⁴⁴ Известия. 1918. 6 окт.

⁴⁵ Постановление также содержало описание подлога, преступлений по должности и спекуляции.

от того, что заранее об этом не был уведомлен и не состоял членом какой-либо организации, готовившей такое выступление.

Кроме этого Кассационный отдел ВЦИК предложил признавать контрреволюционными «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений, как-то: продовольственных, административных и иных, если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов». В постановлении прямо оговаривалось: если указанные деяния сопровождались набатным звоном, то лица, совершившие данное деяние, признавались участниками контрреволюционного выступления, причем покушение расценивалось как оконченное преступление.

В нормативных актах не проводятся разграничения между контрреволюционным восстанием, с одной стороны, массовыми беспорядками и бандитизмом – с другой. В связи с этим А.А. Герцензон писал: «Такое разграничение в тот период и не могло быть дано. Восстания с контрреволюционной целью, массовые беспорядки и бандитизм в период гражданской войны настолько тесно переплетались между собой, что вообще не представлялось возможным провести между ними какую-либо грань, и в том не было никакой необходимости. Участник массовых беспорядков так же, как и участ-

ник бандитской шайки, нередко являлся таким же заклятым врагом народа, как и участник контрреволюционного восстания и мятежа»⁴⁶.

Понять ситуацию, складывавшуюся в первые годы советской власти, вероятно, можно, однако теоретически оправдывать этим отнесение общеуголовных преступлений к контрреволюционным вряд ли допустимо. В данном случае виновный нес ответственность за деяние, которое не совершал, подвергался карательному воздействию, обусловленному признанием преступления контрреволюционным.

К саботажу относились:

1) противодействие Рабоче-Крестьянскому правительству, призывы противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений местной или центральной советской власти;

2) игнорирование таких постановлений, затруднение своими действиями правильного хода работ в правительственных или общественных учреждениях, призыв к саботажу или организация саботажа.

Например, судьи Московского окружного суда приняли резолюцию о непризнании советской власти и о саботаже ее мероприятий. В ней, в частности, говорилось: «Протестуя против возмутительного погрома, совершенного в зда-

⁴⁶ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 31.

нии московских судебных установлений, московский окружной суд как оплот законности и правопорядка и как охрана государственных и частных интересов считает своим долгом, невзирая на происходящую внутри страны смуту, продолжать свою государственную работу, руководствуясь и впредь лишь законодательными нормами, обнародованными... Правительствующим сенатом в установленном порядке и законными решениями правомочной центральной власти, и посему только вследствие произведенного погрома, препятствующего немедленно приступить к занятиям, московский окружной суд в общем собрании согласно заключению прокурора суда ... постановил временно, впредь до приведения в порядок всего делопроизводства, приостановить занятия в здании суда...»⁴⁷.

В постановлении рассматриваемое деяние отграничива-

⁴⁷ Русские ведомости. 1917. 248. С. 19. Комментируя указанную резолюцию, авторы отмечали: «Эта “декларация” по своему стилю очень напоминала аналогичные декларации, которые судебные деятели опубликовывали в феврале – марте 1917 г. Но тогда они “приветствовали” новую “законность” Временного правительства как основанную на непрерывности и преемственности правопорядка. Буржуазные судебные деятели чувствовали своим классовым чутьем, что Временное правительство будет стоять на страже старой законности, что оно не посягнет на “устои” этой законности – на Судебные уставы, Уложение о наказаниях и Уголовное уложение. Своим классовым чутьем судебные деятели Временного правительства чувствовали, что Октябрь принес с собой полное уничтожение буржуазного правопорядка и законности. Этим и объясняется тот единый антисоветский фронт, которым они встретили советские законы, советское уголовное право» (Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 62–63).

лось от так называемого простого неисполнения или неподчинения постановлениям местных властей – исполнительных комитетов, советов или их отделов, местных комиссий труда, военного, податного, здравоохранения, продовольственных и др., а также постановлений профсоюзов, фабрично-заводских комитетов или подобных им рабочих организаций, за нарушение которых в качестве меры взыскания предусмотрен штраф, налагаемый в административном порядке.

По мнению А. А. Герцензона, впервые саботаж упоминается в обращении СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»⁴⁸, в котором говорилось о сопротивлении буржуазии и контрреволюции мероприятиям советской власти⁴⁹. На самом деле саботаж упоминается и раньше. Например, в обращении Наркома по министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников»⁵⁰, не только са-

⁴⁸ СУ РСФСР. 1917. № 3.

⁴⁹ См.: Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 29.

⁵⁰ СУ РСФСР. 1917. № 3. 11 апреля 1918 г. был принят Декрет СНК «Об организации управления почтово-телеграфным делом», согласно п. 11 которого «в случае явного саботажа со стороны почтово-телеграфных чиновников, а равно какой-либо контрреволюционной части почтово-телеграфных чиновников,

мо название свидетельствует об этом, но и в тексте указывается на то, что так называемые инициативные группы, в начале революции взявшие на себя управленческие функции, превратились в органы саботажа. Они саботируют не только власть, но и меры, необходимые для улучшения материального положения низших чинов. Вместе с тем А. А. Герцензон прав, утверждая, что указанные обращения «обрисовывают *саботаж* как специфический вид контрреволюции. ... Саботаж исторически явился первой формой контрреволюционных преступлений после победы Октября; естественно, что и первые декреты советской власти в области уголовного законодательства были направлены на борьбу с этим видом контрреволюции. Борьба с контрреволюционным саботажем была сформулирована в общеполитической форме, в виде призыва к трудящимся объединиться вокруг советской власти вести непосредственную борьбу с саботажниками»⁵¹.

Нормативные акты позволяют выделить признаки саботажа, относящиеся к деянию, субъективной стороне и субъекту преступления. Деяние характеризуется неисполнением служебных обязанностей, невыполнением декретов и приказов; субъективная сторона предполагает умышленную форму вины и специальную цель – так называемую контррево-

местные Советы рабочих и крестьянский депутатов уполномочиваются принимать самые решительные и беспощадные меры подавления» (СУ РСФСР. 1918. № 33).

⁵¹ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 29.

люционную цель подрыва советской власти и завоеваний Октябрьской революции. Субъектом преступления признавался враг народа, враг народовластия, капиталисты и их прислужники. «Конечно, говорить о “составе преступления” в данном случае можно лишь относительно, но важно здесь подчеркнуть, что эти декреты советской власти в дальнейшем послужили основой для ряда обобщений законодательного порядка, а впоследствии уже были восприняты и Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1922 г.»⁵².

Дискредитирование власти предполагало сообщение, распространение или разглашение явно ложных или непроверенных слухов в печати, публичных собраниях или публичном месте, которые могли вызвать общественную панику, посеять недовольство или недоверие к советской власти или отдельным ее представителям, умышленно или по неосторожности умалять советскую власть в глазах населения. «В такой конструктивно весьма сложной форме циркуляр кассационного отдела ВЦИК пытался обрисовать особые формы контрреволюционной агитации и пропаганды, прямо и явно ненаправленные против пролетарской диктатуры, но объективно способствующих подрыву мощи социалистического государства»⁵³.

Данное преступление следовало отличать от нареканий,

⁵² Там же. С. 30.

⁵³ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 31.

клеветнических и иных измышлений, оскорблений словом, в печати или действием отдельных членов и представителей местных или центральных властей, или отдельных ее представителей в том или ином советском учреждении, если оскорбления или измышления были направлены против конкретных лиц, а не учреждений в целом или его работников. Кроме того, в этом случае должны отсутствовать признаки хулиганства и цели оскорбления в лице представителя власти всего строя Советской республики.

Шпионаж характеризовался как оглашение, передача военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контрреволюционным организациям, сношение с ними с целью вызвать иностранное вмешательство, враждебное интересам республики.

Хулиганство в постановлении трактовалось достаточно своеобразно; в ст. 7 говорилось: «Кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих учинит бесчинство» (отсюда позднее появился термин «политическое хулиганство»). Своеобразием отличалось и примечание к данной статье. Согласно этому примечанию лица, прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти Советов, признавалась социально вредной для революции или была прямо против нее направлена (провокаторы, охранники, осведомители, цар-

ские сановники, иные деятели старого режима), также могли предаваться суду революционного трибунала. Для этого лишь требовалось специальное постановление исполкомов, местных советов или специально уполномоченных ими органов.

По сути, данная норма, на наш взгляд, является прообразом ст. 5 УК РСФСР 1922 г., согласно которой уголовное законодательство «имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и *от общественно опасных элементов* (курсив наш. – Авт.)...»⁵⁴. А.А. Пионтковский видел в этом некоторое влияние социологической школы на становление советского уголовного права⁵⁵.

«Целый ряд декретов, изданных в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, предусматривающих ответственность за отдельные преступления, был направлен на осуществление функции обороны социалистического государства, тесно связанной тогда с функцией подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов»⁵⁶. К их числу можно отнести: постановление СНК от 5

⁵⁴ См. об этом подробно: Сулейманов А.А. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика. Владимир, 2006; Чуцаев А.И. Цели наказания в советском уголовном праве. М., 1989; Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970 и др.

⁵⁵ См.: Пионтковский А.А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // Советское право. 1923. № 3 (6). С. 42.

⁵⁶ Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть: в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 44–45.

сентября 1918 г. «О красном терроре»⁵⁷; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве»⁵⁸; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 марта 1919 г. «О мерах борьбы с дезертирством»⁵⁹; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства»⁶⁰ и др.

Положение о революционных военных трибуналах, утвержденное Декретом ВЦИК 20 ноября 1919 г.⁶¹, содержало перечень преступлений, дела о которых были подсудны этим трибуналам. Из числа контрреволюционных посягательств в

⁵⁷ СУ РСФСР. 1918. № 65. В постановлении говорилось: «При данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; ... для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией ... необходимо направить туда большее число ответственных партийных товарищей; ... необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; ... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...». Принятие этого постановления было обусловлено рядом обстоятельств, в том числе, как указывается в советской литературе, связью контрреволюционной деятельности врагов народа с иностранными разведками и дипломатическими миссиями зарубежных государств. Летом 1918 г. были раскрыты и обезврежены заговор с целью ареста Совета Народных Комиссаров и свержения советской власти, мятеж Савинкова в Ярославле. В это же время были убиты Володарский и Урицкий (см. подробно: Курс советского уголовного права. Особенная часть: в 2 т. Т. 1. С. 99–101).

⁵⁸ СУ РСФСР. 1918. № 99.

⁵⁹ СУ РСФСР. 1919. № 9.

⁶⁰ СУ РСФСР. 1919. № 25.

⁶¹ СУ РСФСР. 1919. № 58.

нем были названы: заговор и восстание с целью ниспровержения советского социалистического строя; измена Советской республике; шпионаж; восстание против органов Рабоче-Крестьянского правительства и поставленных им властей; сопротивление проведению в жизнь требований законов республики, постановлений и распоряжений советских властей; агитация и провокация, имевшие целью вызвать совершение массами или частями войск указанных выше преступных деяний; разглашение секретных сведений и документов; распространение ложных сведений и слухов о советской власти, войсках Красной Армии и о неприятеле; похищение или уничтожение секретных планов и других секретных документов; умышленное уничтожение или повреждение железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества.

Обобщив законотворческую деятельность советской власти за неполных два года, Нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский пришел к выводу, что система особенной части уголовного законодательства охватывала 11 групп преступлений: 1) против личности⁶²; 2) против Рабоче-Крестьянского правительства; 3) нарушения обязанности военной службы; 4) нарушения обязанностей государственной или обще-

⁶² Следует отметить, что во всех советских кодифицированных актах нормы о преступлениях против личности никогда не стояли на первом месте, вначале всегда указывались государственные преступления, потом посягательства на собственность, а уж затем – преступления против личности.

ственной службы; 5) нарушения постановлений, регулирующих производство; 6) нарушения порядка снабжения населения продуктами; 7) имущественные правонарушения; 8) нарушения постановлений о частной торговле и кредите; 9) нарушения постановлений о налогах; 10) нарушения постановлений о почте и транспорте; 11) нарушения постановлений об охране научных и художественных ценностей⁶³.

А.А. Герцензон относительно второй группы преступлений замечает: «Если попытаться суммировать уголовное законодательство периода гражданской войны, посвященное борьбе с контрреволюцией, и привести его в некоторую систему, приближающуюся к системе социалистического уголовного кодекса, то мы увидим, что уже к концу периода гражданской войны социалистическое уголовное законодательство создало по сути дела законченную систему норм о контрреволюционных преступлениях, а именно:

1. Контрреволюционные восстания и мятеж.
2. Присвоение функций государственной власти с контрреволюционной целью.
3. Государственная измена и шпионаж.
4. Вредительство и саботаж.
5. Диверсионный акт.
6. Контрреволюционная агитация и пропаганда.
7. Политическое хулиганство.

⁶³ См.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 24.

8. Участие в контрреволюционных организациях.

9. Активная борьба с революционным движением при царском строе»⁶⁴.

Гибельный процесс развала продовольственной базы страны советская власть пыталась остановить путем изъятия хлеба урожая 1916 и 1917 гг. у кулаков – «деревенской буржуазии». В соответствии с Декретом ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»⁶⁵ все имеющие излишек хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты, а также расточающие хлебные запасы на самогонку объявлялись врагами народа. Они подлежали тюремному заключению не менее 10 лет, изгнанию навсегда из общины, а их имущество – конфискации. Самогонщики, сверх того, наказывались принудительными общественными работами.

По Декрету СНК от 4 августа 1918 г. «О заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях»⁶⁶ «начальник отряда лично отвечает за порядок и дисциплину в отряде и за исполнение отрядом... предписаний. В случае нарушений, злоупотреблений, хищений и т. д. все виновные подлежат аре-

⁶⁴ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 32.

⁶⁵ СУ РСФСР. 1918. № 35.

⁶⁶ СУ РСФСР. 1918. № 57.

сту и в случаях надобности привозу в Москву (в распоряжение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией) для предания суду Революционного трибунала».

Во время гражданской войны всем учреждениям и организациям, а также военным и гражданским лицам запрещалось производить закупку заграничных товаров в прифронтовой полосе. Постановление СТО от 11 мая 1920 г. «О борьбе с контрабандной торговлей»⁶⁷ предусматривало, что все пытающиеся перейти линию фронта без надлежащего разрешения Народного комиссариата внутренних дел и Особого отдела ВЧК должны признаваться шпионами, задерживаться и привлекаться к ответственности по законам военно-революционного времени. Ответственные руководители советских учреждений в случае выдачи ими разрешений на право приобретения импортных товаров считались пособниками в организации шпионажа.

Декретом СНК от 8 декабря 1921 г. «О борьбе с контрабандой»⁶⁸ на образованную при ВЧК Центральную комиссию по борьбе с контрабандой возлагалась «ближайшее наблюдение за деятельностью органов, охраняющих границу по борьбе с контрабандой, и принятие чрезвычайных мер в нужных случаях». Дела об указанном преступлении относились к подсудности революционных трибуналов.

⁶⁷ СУ РСФСР. 1920. № 43.

⁶⁸ СУ РСФСР. 1921. № 79.

Решению проблем с продовольствием в стране уголовно-правовыми средствами был посвящен Декрет СНК от 4 июля 1920 г. «О заградительных постах Народного комиссариата продовольствия и его местных органов»⁶⁹, согласно которому в целях охраны продовольственных и иных заготовок государства на железнодорожных, водных и шоссейных путях создавались заградительные посты из агентов продорганов для контроля и реквизиции провозимых продуктов продовольствия в ручном багаже, в вагонах и т. д. Виновные передавались в распоряжение Чрезвычайной комиссии как нарушившие требования советской власти.

Усиленная ответственность предусматривалась за преступления, совершаемые при выполнении так называемых продовольственных работ. Наказуемость деяний дифференцировалась в зависимости от «служебной категории» субъекта преступления. Постановлением НКЮ от 26 февраля 1921 г. «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе»⁷⁰ выделялись три таких категории: 1) уполномоченные и агенты продорганов, занятые заготовками и продовольственным контролем на путях сообщения; 2) рабочие продовольственных отрядов; 3) воинские отряды, предоставляемые в распоряжение военного отдела Народного комиссариата продовольствия и его местных отрядов распоряди-

⁶⁹ СУ РСФСР. 1920. № 63.

⁷⁰ СУ РСФСР. 1921. № 20.

ем штаба Красной Армии.

Совершенные ими преступления признавались, в частности, превышением власти, сопровождавшимся дискредитированием советской власти и имевшим важные последствия.

В послевоенный период в законодательстве появилась такая мера воздействия, как лишение прав гражданства. Например, согласно Декрету ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. «О лишении права гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей»⁷¹

⁷¹ СУ РСФСР. 1922. № 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.